

Андрей Геласимов

Жажда

*Часть сборника
Жажда (сборник)*

Андрей Валерьевич Геласимов

Жажда

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119012

Жажда: Эксмо, Яуза, ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство); Москва; 2004

ISBN 5-699-08154-2

Аннотация

«Вся водка в холодильник не поместилась. Сначала пробовал ее ставить, потом укладывал одну на одну. Бутылки лежали внутри, как прозрачные рыбы. Затаились и перестали позвякивать. Но штук десять все еще оставалось. Давно надо было сказать матери, чтобы забрала этот холодильник себе. Издевательство надо мной и над соседским мальчишкой. Каждый раз плачет за стенкой, когда этот урод ночью врывается на полную мощь. И водка моя никогда в него вся не входит. Маленький, блин...»

Андрей Геласимов

Жажда

Вся водка в холодильник не поместилась. Сначала пробовал ее ставить, потом укладывал одну на одну. Бутылки лежали внутри, как прозрачные рыбы. Затаились и перестали позвякивать. Но штук десять все еще оставалось. Давно надо было сказать матери, чтобы забрала этот холодильник себе. Издевательство надо мной и над соседским мальчишкой. Каждый раз плачет за стенкой, когда этот урод ночью врубается на полную мощь. И водка моя никогда в него вся не входит. Маленький, блин.

Засранец.

Поэтому пришлось ставить ее на шкаф. И на окно. И на пол. В общем, все как обычно. Одну положил в ванную комнату – в бак с грязным бельем. Подумал – пусть лежит там. На всякий случай.

Когда с водкой более-менее разобрался, кто-то начал звонить в дверь. Сначала не хотел открывать, потому что поздно, но потом все равно открыл. Кроме Ольги, там никого не могло оказаться. Даже мать не заходила уже полгода. Общались по телефону.

– Извини, что снова тебя беспокою, – сказала она. – У меня Никита опять выступает. Выручи еще раз. Я с ним одна не справлюсь.

– Какие проблемы, – сказал я.

Набросил куртку и вышел следом за ней. Даже дверь оставил открытой.

– А ну-ка, кто у нас тут не хочет спать?

Пацан вздрогнул и уставился на меня, как на привидение. Даже кубики свои уронил.

– Кто тут маму не слушает?

Он смотрит на меня и молчит. Только глаза у него стали по чайнику.

– Давай собирайся, – говорю я. – Раз не хочешь слушаться маму – будешь жить со мной.

Можешь взять только одну игрушку.

Тот молчит, и рот у него открывается очень сильно.

– Какую с собой возьмем? Машину или вот этого мужика? Это кто у тебя тут в трусах? Супермен, что ли? Давай бери с собой супермена.

Он переводит глаза на Ольгу и шепчет:

– Я буду спать. Мама, я сам спать сейчас лягу.

Я говорю:

– Вот молодец. Быстро все понял. Если еще раз такое произойдет – я снова приду и заберу тебя по-настоящему.

Возле двери Ольга меня остановила:

– Хочешь чаю? Пойдем на кухню – я только что заварила.

Я говорю:

– У меня там дверь открытой осталась. Мало ли что.

Тогда она говорит:

– Ты извини, что я тебе все время надоедаю. Просто он... боится только тебя... А меня совсем перестал слушать.

Я усмехнулся:

– Понятно. Я бы на его месте еще не так испугался. Сколько ему?

– Пять. Четыре и десять месяцев.

Я говорю:

– Я бы еще не так испугался.

А она снова говорит:

– Ты извини... Только не обижайся, пожалуйста.

Потом помолчали немного, и я говорю:

– Все нормально. Если надо – ты заходи. Я теперь дома сидеть буду. Работать закончил.

Деньги все получил.

Она посмотрела на меня и говорит:

– Опять будешь три месяца водку пить?

Я говорю:

– С чего ты взяла? Просто сижу дома – смотрю телевизор.

Она посмотрела на меня и улыбнулась. Правда, не очень весело.

– Ладно, извини меня еще раз. Сам тоже заглядывай – если что. Правда не хочешь чаю?

Дома я подошел к зеркалу и долго стоял напротив него. Смотрел на то, что из меня получилось.

Если бы Серега не ошибся тогда и не оставил меня догорать в БТРе последним. Но он думал, что со мной уже всё. Поэтому сначала вытаскивал других. Тех, кто еще шевелился.

Так что теперь только детей пугать. Повезло Ольге с соседом.

* * *

А когда поступил в строительный техникум, нас всех выстроили перед зданием на линейку, и завуч сказал: «Вы теперь – лицо строительной индустрии. Не подведите своих отцов». Хотя – кого там было уже подводить? Завуч наш явно был не в курсе. Вместо отцов дома крутились какие-то дяди Эдики. В единственном, конечно, числе. Но завуч имел в виду нас всех, стоящих там напротив него, хотя дождь уже начался и деревья почти все облетели. Поэтому он и говорил во множественном числе. А мы стояли перед ним и тряслись от холода – никто не предупредил, что линейка будет такая длинная. Поэтому куртки оставили в кабинетах. И сигареты, конечно, никто не взял. Но, может быть, он был прав насчет обобщений. Кто его знает – может, у нас к тому времени у каждого на кухне уже сидело по дяде Эдику.

Мама говорила: «Только не надо морщить лицо. Эдуард Михайлович нам помогает. Если бы не он, мы бы с тобой знаешь где могли оказаться? От твоего отца все равно никакого толку. Что до развода, что после – ему на нас наплевать. Знаешь, где мы могли оказаться?»

Но я не знал. И Эдуард Михайлович не был для меня Эдуардом Михайловичем. И дядей Эдиком он для меня не был тоже. Он был для меня никем. Я даже «он» никогда не говорил, если хотел что-нибудь сказать матери. Просто мычал что-то непонятное и мотал головой. Но она понимала. Только каждый раз говорила: «Не надо морщить лицо».

А я вспоминал, как мы с ней и с отцом ходили загорать летом и он надевал всегда такие белые шорты, чтобы ярче был виден загар, потому что он загорал легко и красиво. На голове такая классная кепочка и разноцветные, переливающиеся очки. Он никогда не сидел с нами на одеяле. Ходил вокруг, или стоял невдалеке, или играл в волейбол. Или смеялся с какими-то загорелыми девушками. А мы с мамой прятались от солнца под гриб.

Она говорила: «Костя, тебе досталась моя кожа. С такой кожей загорать нельзя. Слишком много веснушек. Дай я намажу тебя кремом. А то у тебя сгорит все лицо».

* * *

Ольга открыла дверь почти сразу. Наверное, даже не успела своего Никиту раздеть.

– Решил все-таки попить чаю? Ну и молодец. Давай проходи на кухню. Сейчас я Никитку уложу.

Я подождал ее в коридоре, а когда она вернулась из детской, сказал, что я не хочу чаю.

Просто мне надо было, чтобы она показала, куда можно зеркало прибить. То есть пока просто поставить. Потому что поздно уже и Никита лег спать. Поэтому колотить стену,

конечно, пока не стоит. К тому же – соседи. Хотя, кроме меня, на площадке жил еще только один старик. И он был глухой. Но все равно ведь – Никита. Так что лучше завтра с утра. А пока нужно его куда-нибудь просто поставить.

Она посмотрела на меня молча и потом показала рукой в угол. Прямо под вешалку. А на другой стене уже висело зеркало. Такое же круглое. Но немного побольше, чем мое.

Я выпрямился и сказал:

– Просто от матери осталось. Они давно уже переехали, но кое-что позабыли... Холодильник этот дебильный. Мешает, наверное, твоему Никите спать?

Она сказала:

– Нет, не мешает.

Тогда я посмотрел на ее прихожую и сказал, что пора делать ремонт. А она улыбнулась и ответила, что ей не по карману.

– Особенно твой. Ты сколько берешь?

Я говорю:

– Я только евроремонт делаю. Для богатых. Стеклопакеты там, навесные потолки – всякая фигня.

Она говорит:

– Ну и все равно – сколько?

Я говорю:

– Ну, тысяч восемьдесят, сто. Иногда бывает сто двадцать.

Она говорит:

– Ни фиги себе.

А я говорю:

– У них бабок полно. Им надо друг перед другом выгибать пальцы.

Она улыбнулась:

– Сложная у них жизнь.

Я тоже улыбнулся:

– Да, непростая.

* * *

Потому что я так и не знал – кто из них кого кинул. То ли Генка Пашку, то ли наоборот. Хотя каждый из них, разумеется, винил в обмане другого. Они приезжали ко мне на своих джипах по очереди и говорили – ну, ты же знаешь, что я не мог кинуть его. Ну, скажи – ты же знаешь.

И я говорил, что знаю, потому что я не мог ответить им «нет». Ни тому, ни другому. Хотя правды так и не знал. И в общем, не хотел ее знать – этой правды. Кому она, на хрен, была нужна? Когда ты с кем-то горишь в одном БТРе – после этого на многие вещи появляется совсем другой взгляд. Просто им повезло. Серега вытащил их чуть раньше. Сначала их, потом этого непонятного капитана из штаба дивизии, после него водилу Михалыча, потом прапорщика Демидова и после всех, наконец, меня.

Может, оттого, что им повезло, они потом и решили кинуть друг друга. Не знаю. Деньги – страшная вещь. Я бы не хотел оказаться на их месте. Во всяком случае – не в этот раз.

Если только чуть раньше. Когда Серега полез в подбитый БТР.

Но бабки есть бабки, и бабки их развели. Полетел псу под хвост их совместный бизнес, а мне пришлось несколько раз покупать водки намного больше, чем обычно.

Потому что они пили как лошади. Приезжали из своего Фрязино и выпивали то, что я для себя покупал. Но всегда по раздельности. Даже звонили заранее, чтобы не наткнуться у меня друг на друга. А я пил с тем и с другим. Мне было все равно – кто из них кого кинул.

Для меня они оставались Пашкой и Генкой, с которыми я горел. Которые знали, что у меня когда-то было лицо, а не обожженный кусок мяса.

Полгода после призыва и потом еще целый месяц в Чечне.

А евроремонт именно Генка надоумил меня заниматься.

– Чего ты паришься? – сказал он мне. – Ты же, на хрен, строитель. Ты же, блин, знаешь всю эту строительную херню. Давай, зафигачь мне квартиру. А я тебе нормальное бабло подгоню. Потом, может, еще клиенты найдутся.

И клиенты нашлись. Даже в нескольких городах. Удивлялись, правда, когда я им говорил по телефону, что работаю один, но потом, при встрече, больше не удивлялись. Во всяком случае, не спрашивали – почему на ремонт требуется так много времени. Те, кто торопился, нанимали других.

И те, кому не нравилась моя рожа.

* * *

– Вы посмотрите на свои лица! – кричал на нас завуч на уроке черчения. – Вы только посмотрите на себя. У вас в глазах ни одной мысли. Сидите передо мной, как стадо баранов. Вы же тупые, как бараны. Идиоты! Подрастающее поколение!

Он стоял рядом со мной и размахивал моим рисунком. Листок бумаги в его руке дрожал над моей головой. Я смотрел на стол и считал капли. Сначала одна, потом другая. Я отодвинулся, чтобы их не задеть, и тогда он замолчал. Посмотрел на меня, перевел дыхание, сложил листок пополам и сказал:

– Пойдем к директору. С вещами.

Поднял голову и снова посмотрел на нас всех.

– Остальные продолжают работать. И только попробуйте у меня выйти из класса.

– Полюбуйтесь, Александр Степанович, чем занимаются ваши ученики, – сказал он, когда мы вошли в кабинет директора. – Будущие строители.

– Они наши общие ученики, Аркадий Андреевич, – сказал директор. – И может, строителями никогда не будут.

Завуч бросил ему на стол мой рисунок и молча уставился на меня. А я смотрел на директора. Потому что я до этого никогда не видел его. Его вообще никто из наших не видел. В училище всем заправлял завуч, а про директора говорили непонятно что.

– Чего ты на меня так смотришь? – усмехнулся он. – Толстый? Ты Моргунова не видел. Знаешь, раньше было такое кино. Про Моргунова, Вицина и Никулина.

Завуч вздрогнул и начал говорить:

– Простите меня, Александр Степанович, но мне кажется...

– Спасибо вам за сигнал, Аркадий Андреевич, – перебил его директор. – Я разберусь.

Пусть он останется у меня в кабинете.

Когда завуч ушел, директор отложил мой рисунок и снова посмотрел на меня.

– Ну что же, давай начнем. Возьми вон там стул и сядь поближе. А то мне тебя совсем не видно... Вот так... Молодец... Ну, теперь скажи мне свое имя.

– Константин.

– Константин? Очень хорошее имя. Ты должен быть постоянным человеком. Это хорошо. Ты постоянный человек, Константин? Или это только имя?

– Я не знаю, – сказал я.

Мне было странно, что мы вот так сидим там, в его кабинете, и он задает какие-то непонятные вопросы. Потому что я ждал, когда он начнет орать.

– Не знаешь? А надо. Про себя, Константин, надо знать как можно больше. Что ты знаешь о себе?

Я смотрел на него и не знал, что ответить.

– Хорошо, – сказал он. – Пока не готов. Потом, может, еще раз спрошу. Думай. А пока скажи – что ты знаешь про свою сумку?

Я смотрел на него и уже вообще ничего не понимал.

– Дай ее мне.

Я протянул ему сумку через стол. Он взял ее, покачал на весу и улыбнулся:

– Тяжелая. Что там у тебя?

Я сказал:

– Учебники. И еще форма для физры. Мы сегодня в баскетбол играем.

– Хорошо. А еще что?

– Тетради.

– А еще?

– Ручки.

– Молодец. А еще?

– Больше ничего нет.

Я подумал – не забыл ли я там свои сигареты?

Он поставил сумку на стол и снова взял в руки мой рисунок.

– А другие у тебя есть? Там, в твоей в сумке?

Я уставился на него и говорю:

– Рисунки, что ли?

Он говорит:

– Ну да, рисунки. Тебя же из-за них сюда привели. Есть еще? Покажи мне. Или ты хочешь, чтобы я рылся в твоей физкультурной форме?

Он листал мои тетрадки минут пять. Потом поднялся из-за стола, подошел к окну, постоял там, вернулся и еще смотрел пять минут. После этого отодвинул все от себя и сказал:

– А почему у тебя одни голые бабы? Озабоченный? Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– А, ну тогда понятно, – сказал он. – Собери все, сядь вон туда у стенки и подожди. Мне тут надо еще кое-что закончить.

* * *

Первый раз нормально не получается не потому, что нет опыта, а потому, что слишком долго ждешь. То есть проходит ведь года три с того момента, как ты начинаешь об этом думать. И вовсе тут не то, чтобы ты вдруг оказался с ней один на один, – смотришь на нее и думаешь: блин, у меня же нет никакого опыта.

Нет, просто ты слишком долго ждешь. Поэтому нормально не получается. Ну и у нее, наверное, те же проблемы. Или девчонки не думают о таких вещах?

Короче, в итоге начинаешь рисовать. Сначала шею, потом плечо. Так и выходит. Сидишь, злишься на них и рисуешь. Затем берешь новую тетрадку. И потом еще.

Так что маме я не сумел объяснить – где шлялся после учебы. Не мог же я рассказать ей про эти рисунки и про то, что директор училища из-за них продержал меня у себя в кабинете часа три, а потом все равно никуда не отпустил, а вместо этого повел к себе домой. И по дороге раздавал всяким бомжам деньги и потом еще дал возле самого дома – они там ждали его целой толпой. Ну, может быть, не толпой, но человека три там было. И когда мы поднялись к нему на третий этаж, там уже сидела на лестнице какая-то старушка, и директор сказал ей – конечно-конечно, давай, заходи, я тебя уже давно жду, там на кухне очень много скопилось. И она на кухне долго звенела и потом ушла. И на спине у нее был огромный рюкзак, и директор сказал – не тяжело? Ты одна его, как? Дотащишь? И старушка сказала,

что – дотащу. И потом он достал какую-то книгу, показал ее мне и спросил – ты отсюда срисовывал свои рисунки? И я сказал – нет. Потому что я их не срисовывал. А рисовал просто из головы. Когда мне было хреново. И он сказал – точно не отсюда? И я сказал – нет. И тогда он мне отдал эту книгу и сказал – дома ее посмотри. Завтра придешь утром, часам к одиннадцати. И я сказал, что утром у меня контрольная и что меня завуч убьет. И директор сказал – не убьет. Иди домой и смотри книгу.

Но домой я все равно поздно пришел, и мама так и так начала ругаться. А я смотрел на нее и не мог ей ничего объяснить. Потому что у меня в сумке была эта книга. Не мог же я эту книгу ей показать. Там были такие рисунки, что ей бы совсем не понравились.

А Эдуарду Михайловичу они понравились. Или не понравились. Я не знаю. Но ему было интересно. Он схватил эту книгу у меня со стола сразу, как только вошел в комнату, и начал ее листать. И лицо у него стало такое. Странное. А сам говорит – ты мать почему изводишь? С понтом, такой заботливый новый отец. Листает эту книгу и говорит – она пока тебя ждала, чуть с ума не сошла. Собиралась уже в милицию звонить. А что это у тебя за книга? Я говорю – она же у вас в руках. Посмотрите на обложке. Там все написано. Он говорит – Гойя, Капричос. Это что, художник такой? Я говорю – я не знаю. Мне эту книгу директор дал. А он говорит – ну и рожи. Ты давай кончай мать изводить.

Я смотрю на него и думаю – посмотрел бы лучше на свою рожу. Не было бы тебя – я, может быть, по-другому бы всех этих теток рисовал. Не такими уродинами.

Потому что у меня они правда уродские получались. Но мне нравилось их рисовать. Посидишь, порисуешь – вроде немного легче.

* * *

А Эдуард Михайлович меня тогда уже очень плотно достал. Я даже от армии только из-за него потом косить отказался. Хотя многие откосили. Но он меня к тому времени достал по-настоящему.

Заходил ко мне в комнату, садился и разговаривал. Все время рассказывал – какой у меня отец был придурок, когда они были курсантами в одной роте. И как мама глупо себя повела, когда вышла за него замуж. Потому что отец бегал от нее, и даже когда она была беременная, целовался с какими-то девчонками прямо у нее под окном. И когда она меня родила, он тоже исчезал все время куда-то. И как она однажды пришла к ним в роту и сказала, что ей нечем меня кормить. А мне тогда было два года. И отец мой был неизвестно где. И как они все чего-то собрали и накормили бедного и голодного мальчика. И как потом устроили отцу темную. Вернее, хотели устроить, потому что отец тогда уже был командиром роты и он им сказал – ну, давайте. И они не стали. И вообще – какой он весь был плохой.

А Эдуард Михайлович был хороший. Потому что он не бросил мою маму в беде. И когда она осталась одна, он сразу же откликнулся и готов был помочь. Хоть у нее уже и был вот такой оболтус.

И еще Эдуард Михайлович был очень умный. Потому что он первым понял – куда вся эта перестройка ведет, и кто такой Горбачев, и кому нужна вся их приватизация. Поэтому он из армии ушел как раз вовремя. А те, кто остался, – они были полные мудаки. И американский президент – идиот.

Слушать Эдуарда Михайловича было одно удовольствие. Но я сидел и молчал. Хотя мне надо было делать уроки. Потому что мама попросила меня, чтобы я ей помог. И я помогал. Сидел и смотрел на него, как он роется у меня в столе. Не знаю, что он там искал. Их в армии, наверное, так научили.

Еще он писал письма в газеты. Во все, какие только мог купить. И на телевидение. А мы должны были его слушать. Однажды собирались в лес за грибами, а он увидел что-то

по телику и сразу начал писать. Мы ходили вокруг него и собирались. Потому что автобус до обеда был только один. Потом надо было ждать уже до без пятнадцати четыре. Но он разорался, и мама сказала – ну, давай, Костя, послушаем. И мы сидели перед ним в своих сапогах и куртках.

А он говорил – нет, ты понимаешь, Светлана, какие они там дураки? Ты понимаешь?

* * *

Холодильник освободился через семь дней после того, как я отнес зеркало к Ольге. Или через восемь. Такие вещи трудно определить.

Я собрал в себе силы и переставил в него все, что было на полу и на окнах. Мне не нравится, когда она теплая.

Столько водки в одном месте я впервые увидел у директора Александра Степановича. Он вообще никогда не покупал бутылками. Договаривался с мужиками, и они привозили ему ящик. Чтобы не бегать взад-вперед.

– Меня мучает жажда, – говорил он. – Бесконечная жажда, Константин. Моему организму нужна жидкость. Или еще что-нибудь. Ты знаешь, я вырос в таком месте, где совсем нет воды. Ни реки, ни озера. Даже нормальной лужи не помню. И дождей не было почти никогда. Поэтому до сих пор хочется пить. Все время чувствую эту сухость. Дай мне вон тот стакан.

Он ставил передо мной пустые бутылки, посуду, какие-то башмаки, и я рисовал. А он пил свою водку.

Мне нравилось ходить к нему. В училище про меня забыли, и завуч в конце концов перестал отмечать мои пропуски. Однокурсники несколько раз приходили ко мне, спрашивали – как дела? Но я всегда говорил, что все нормально и что мы с директором работаем над моим дипломным проектом.

Мне нравилось, что он пьет свою водку совсем не так, как другие мужики. Отец всегда долго стоял с рюмкой в одной руке и со стаканом воды в другой. Готовился, собирался с духом. Потом вытягивал губы трубочкой и, прикрывая глаза, медленно втягивал в себя водку. Эдуарда Михайловича всегда передергивало, словно ему за шиворот положили лягушку.

А директор вообще никогда из рюмок не пил. Он наливал себе водку в толстый стакан и пил из него, как будто бы он действительно пил воду. Как будто ему просто хотелось пить. Как человеку, у которого пересохло в горле.

Он пил один стакан за другим, никогда после этого особенно не выдыхая, смотрел на мои рисунки и не пьянел. Просто сидел напротив меня в своем кресле и говорил, чтобы я ничего такого себе не забирал в голову.

А я и не собирался. Для меня это вообще было просто отмазкой. Уходишь из дома, а все думают, что ты пошел на учебу. Или не думают. Я не знаю. Потому что матери тогда на меня уже явно было плевать. Она приседала вокруг своего Эдуарда Михайловича. А я злился на отца за то, что он меня так подставил. Неужели нельзя было разок навалить этому дяде Эдику там у себя в училище, чтобы он про маму забыл. Наверняка там были какие-нибудь нормальные другие курсанты.

Короче, я ничего особенного про свои рисунки не думал. Что в них такого? Рисунки – они и в Африке рисунки. Все равно в основном с пацанами во дворе тусовался.

Бегали за девчонками, на гитаре играли, портвейн пили иногда. Потом ходили смотреть, как военкомат сносят.

Стоишь на развалинах, куришь и думаешь – вот здесь я сидел голый на приписной комиссии, задница еще так смешно к этой кушетке прилипает. Типа – всё, зла больше нет. И на душе так прикольно. Как будто Кощея Бессмертного зафигачили. Но потом оказыва-

ется, что бесполезно. В соседнем квартале построили новый военкомат. На этот раз уже не деревянный. Как в сказке – мочишь Кощея, а он только круче становится. Не зафигачишь его до конца.

Так Генка на войне говорил. Я у него этому слову научился.

– Зафигачим сейчас черножопых, пацаны. Чего так нахмурились? Очко заиграло?

Залазит в БТР и смеется. Стучает себя по каске рожком.

– Не ссыте. Все будет нормально. Дай-ка я вот сюда сяду. Давай-давай, жопу подвинь.

И сел на мое место. Но мне было все равно. Никто ведь не знал, что граната прожжет броню как раз там, куда он меня подвинул.

* * *

А потом Александр Степанович вдруг стал сердиться.

– Ты невнимательный, – говорил он. – То, что ты умеешь рисовать, – еще ничего не значит. Художник должен уметь видеть. Посмотри в окно. Скажи, что ты там видишь?

– Я не художник, – говорил я.

Тогда он брал со стола ботинок, который я рисовал, и кидал его в мою сторону.

– А я говорю тебе – подойди к окну!

И я подходил. Потому что мне неохота было сидеть на занятиях у нашего завуча. Лучше уворачиваться от ботинка, чем делать вид, что ты не замечаешь, как от человека во все стороны летит слюна. Вставил бы себе новые зубы. Или застрелился.

– Что ты там видишь?

– Ничего. Вижу деревья, птиц. Дети какие-то на качелях.

– Что они делают?

– Качаются, что еще?

– Какие они?

Я старался рассмотреть их получше.

– Нормальные. Дети как дети. Обычная малышня.

– Сам ты – обычная малышня. Сходи на кухню. Принеси мне еще одну.

Я шел к холодильнику, а он за это время успевал допить свой стакан.

– Вот молодец. Ставь ее сюда. Боже мой, почему я такой жирный? Поддай мне ее. Не видишь – я не дотягиваюсь? Сядь рядом со мной. Рисовать больше не надо.

Я садился. Он открывал зубами бутылку водки, наливал себе новый стакан, смотрел на него, улыбался, медленно выпивал его и потом со вздохом откидывался в своем кресле.

– Ну надо же, как хочется пить. В горле все пересохло. Что ты там говорил насчет этих детей?

– Я сказал – обычная малышня.

Он усмехался и презрительно смотрел на меня.

– Не бывает обычной малышни, Константин. «Обычную малышню» придумали дураки. Ты понимаешь?

– Нет, – говорил я.

– Когда-нибудь поймешь. Сейчас просто слушай. Каждый день ты проходишь мимо этих детей и даже понятия не имеешь о том, какие они. Ты можешь сказать, например, как они привлекают к себе внимание, если хотят что-то сказать? Нет? Они руками поворачивают друг другу голову. Берут человека за лицо и поворачивают его к себе маленькими руками.

Он смотрел на свои толстые руки, вздыхал и показывал ими в воздухе, как дети поворачивают к себе чужое лицо.

– Или рисуют друг на друге фломастерами разных цветов. Отсюда не видно, что они рисуют, но видно, что им это нравится. Потому что им щекотно, и они показывают друг

другу, что нарисовали на них. Ты когда-нибудь видел, как падает луч света в темную комнату из приоткрытой двери? В самом начале он узкий, а потом расширяется. Точно так же и человек. Сначала один, потом двое детей, потом четверо внуков. Понимаешь? Человек расширяется, как луч света. До бесконечности. Ты понимаешь?

Он смотрел на меня и ждал, пока я кивну головой.

– Молодец. А теперь скажи, что ты сам делал, когда был маленьким.

– Я не помню.

– А ты постарайся.

– То же, что и все.

– Играл, гулял, ходил на горшок?

– Ну да.

– Мало. Художник должен знать больше.

– Я не художник.

– Поддай мне вон тот ботинок. А то мне тяжело вставать.

– Чуть что, блин, сразу – поддай ботинок.

– А ты не кривляйся. Я с тобой разговариваю. Думай давай, думай.

– Ну, я не помню уже... За девчонками в детском саду подсматривал, когда они писали.

– Уже лучше. Еще что?

– Маму ждал. Она позже всех за мной приходила.

– Неплохо.

– Сидел один в группе и смотрел в окно. А воспитательница говорила, что я ее со своей мамой достал.

– Какая она была?

– Высокая... Я не помню... У нее была такая толстая юбка в клеточку. Я однажды зашел в заднюю комнату, а она там стояла в ночной рубашке. У мамы тоже такая была. Она нагнулась и ударила меня по лицу. А я просто так зашел. У меня мяч туда закатился. Не с кем было играть.

– Ты ее ненавидел?

– Не знаю. Наверное. Мама сказала, что у нее мужа в Афганистане убили. Он был офицер.

* * *

Когда привозили новеньких, Генка все время выпрашивал – кто они и откуда. Говорил, что москвичам надо держаться вместе. Лохи пустьдохнут поодиночке. А сам был из Фрязино. И Пашка тоже призывался оттуда. Генка говорил – повезло. Уходили из одного военкомата, потом вместе в учебке, и здесь попали в одну часть. Не всегда так бывает. А я был из Подольска. Поэтому, когда появился Серега, Генка сразу ему сказал – не бойсь. Нас тут уже целых трое. В обиду тебя не дадим. Потому что Серега по-настоящему был из Москвы. Всю жизнь прожил на 3-й улице 8 Марта. Десять минут на автобусе до метро. Понятно, что болел за «Динамо».

– В жопу твоих ментов, – говорил Генка. – Все равно ни хрена играть не умеют. Скажи, Пашка. Не умеют ведь ни хрена играть?

Но Пашка молчал. Потому что он вообще говорил редко. Ходил вместе с Генкой везде, но сам почти никогда не разговаривал. Пожимал плечами и поправлял автомат.

– Так что давай, воин, – сказал Генка Сереге. – Держись к нам поближе. А то оторвут жопу – будешь потом жалеть.

Но вчетвером мы воевали недолго. Когда садились в то утро в БТР, Генка смеялся над Серегой:

– Ни фиги, воин. Мы все тут в свое время за клиренсом для танка ходили. А как ты хотел? На войне повоевать – и не узнать, что такое клиренс? Вон у Пашки отец на флоте служил. Их там по первому времени заставляли якорь точить. Чтобы лучше входил в грунт. Прикидываешь? Напильниками. Скажи ему, Пашка.

Серега залез в БТР последним и закрыл люк:

– Жалко, что меня не взяли во флот. Я бы им штук сто якорей наточил.

– Не ссы, воин, – сказал Генка. – От судьбы не уйдешь. Полгода назад здесь целую бригаду морской пехоты положили. Тоже, наверное, радовались, когда призывались. Типа – будем плавать по морю. А люк, воин, ты напрасно закрыл.

– Почему?

– Потому что я с тобой еду. Ехал бы ты один – никто бы тебе слова, блин, не сказал.

– Не понимаю.

– Поймешь, когда граната в БТР попадет. Прожжет, на хрен, броню и внутри взорвется. А нас всех в куски разнесет, потому что давление в закрытом пространстве будет совсем другое. Ты физику, воин, когда-нибудь изучал? Или только дробил у себя в туалете в школе? Дай-ка, Костя, я вот сюда сяду. Давай-давай, жопу подвинь. А ты, воин, люк открывай. Чего на меня уставился?

* * *

Честно говоря, я не знаю, почему я нарисовал его пьяным. Может, потому, что к тому времени уже нечего было там рисовать. Все, что было у Александра Степановича, я уже срисовал на бумагу. Всю его обувь, посуду, бутылки, книги, дурацкие статуэтки. Все, что он ставил передо мной. Больше рисовать ничего не осталось. И вообще скучно было сидеть. Потому что он отрубился, а я сидел перед ним и не знал – как оттуда уйти, и дверь за мной закрыть было некому.

Поэтому, когда я пришел с улицы, а у меня в комнате этот мужик – тут я, конечно, офигел немного. А Эдуард Михайлович говорит, что это сын Александра Степановича, и при этом так странно на меня смотрит, как будто это я его пригласил. Я захожу к себе в комнату и вижу, что он держит как раз этот рисунок, потому что я как дурак оставил его на столе. Хотел, чтобы Эдуард Михайлович его нашел и завелся. Мне нравилось его злить. А теперь я просто стоял перед этим мужиком и не знал, что мне делать. Потому что – кому понравится, когда твоего отца рисуют в таком виде? В смысле – когда он там отрубился, ну и вообще, валяется у себя в квартире, как фиг его знает что.

Но он просто сказал, что его зовут Борис Александрович и что он пришел со мной поговорить. И мы сели возле моего стола и стали с ним разговаривать. Но рисунок он все равно продолжал держать. А сам спрашивал про Александра Степановича. Сказал, что ему завуч мой адрес дал, потому что он хотел поговорить со мной лично. Насчет своего отца, ну и вообще, насчет всего остального. А я ему сказал, что так вроде бы все нормально, но лечить его – типа Александр Степанович совсем не пьет – я не мог. У него же в руке был мой рисунок. Но он сначала на него почти не смотрел. Спрашивал – много ли в день получается и как часто. И я сказал, что всегда. Примерно две-три, но иногда может быть и больше. Под настроение. И он загрустил. А я сказал ему, чтобы он не расстраивался, потому что Александр Степанович – молодец. И что он мне рассказывает всякие интересные вещи. Но он от этого почему-то загрустил еще больше. Сказал, что хочет забрать его к себе в Краснодарский край, потому что там хорошо и недалеко море. Но Александр Степанович не собирается уезжать. Говорит, чтобы он без него ехал в свою станицу Гостагаевскую. И что он вообще всегда был немного странный. Мог бы работать сейчас в министерстве в Москве, а вместо этого сидит здесь и пьет водку. И что много лет назад из него мог получиться большой художник –

не хуже, чем Глазунов, и давно можно было бы всей семьей жить за границей, но он бросил живопись, а после этого бросил архитектуру, хотя в Москве в самом центре стоит его дом, и что его друг стал министром лишь потому, что это Александр Степанович за него делал какие-то там проекты, а сам даже не потребовал за них ничего, потому что он говорит, что ему вообще ничего не надо, что у него уже все есть. Короче, я там сидел у себя в комнате, и слушал его, и не знал, зачем он мне все это рассказывает, а он говорил, говорил и все время смотрел на мой рисунок. Потом наконец замолчал, и мне стало слышно, как Эдуард Михайлович читает маме новое письмо в «Аргументы и факты». Но Борис Александрович, видимо, этого не услышал. Потому что он задумался очень сильно и просто сидел молча. А потом посмотрел опять на рисунок и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.